

КЕЙТ КСАНТИ

— ЗА ЛЕДЯНОЙ СТЕНОЙ —

Огонь Прометея

Кейт Ксанти

За ледяной стеной

Огонь Прометея

<https://litres.ru/74570019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девять лет Анна жила тихо: тихо говорила, тихо плакала, тихо закрывала двери.

Однажды в половине пятого утра она закрыла дверь в последний раз — и сбежала на край света, в Антарктиду.

Она думала, что там её никто не найдёт. Её нашли.

Кайрос пришёл из мира за ледяной стеной, куда три тысячи лет назад ушли боги. Последний наследник Прометея, он ищет огонь, способный убить бога-тирана, который превратил его родину в вечную зиму. И этот огонь горит в женщине, которая разучилась говорить «нет».

Ледяной лабиринт, который показывает твой главный страх. Драконы, пережившие ледниковый период. Бог, который говорит голосом того, от кого ты сбежала. И мужчина, который каждый раз спрашивает: «Можно?»

Огонь нельзя отнять — только отдать. Но та, что отдаст его, сгорит.

Содержание

Пролог. Кайкос	5
Глава 1. Анна	6
Глава 2. Кайрос	12
Глава 3. Анна	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кейт Ксанти
За ледяной стеной
Огонь Прометея

Пролог. Кайкос

Люди называют Землю богом забытым местом. Они правы. Мы забыли её сами - ушли за ледяную стену так давно, что вы превратили нас в сказки для детей.

Мы забрали с собой всё: молнии, моря, бессмертие. Всё, кроме одного.

Огня.

Мой предок Прометей отдал его людям - и висел за это на скале, пока орёл рвал ему печень. Боги не простили этого моему роду. Три тысячи лет мы правили за льдом, пока потомок Зевса не убил моего отца и не надел его корону.

Теперь мой народ замерзает. А убить бога может только огонь, который боги когда-то потеряли.

Поэтому я, Кайрос, последний из Прометидов, переступил лёд. Последний из нас, кто сделал это до меня, не вернулся.

Я пришёл забрать огонь.

Я не знал, что у огня будут глаза цвета пепла - и чужое обручальное кольцо на пальце.

Глава 1. Анна

Обручальное кольцо не снималось девятнадцатый день.

Я пробовала мылом, кремом для рук, ниткой - как учат в интернете. Держала руку в ледяной воде, пока пальцы не переставали чувствовать. Кольцо сидело намертво: тонкий золотой ободок, который муж выбрал сам, потому что «у тебя нет вкуса, Аня». Я носила его девять лет. Оказалось, снять его труднее, чем уехать.

Уехать как раз было просто.

В половине пятого утра, пока он спал, я взяла сумку, которую три месяца прятала за коробками на антресоли, и вышла. Дверь не хлопнула. Я закрыла её тихо, на два оборота. Девять лет я училась всё делать тихо.

Потом были два самолёта, Буэнос-Айрес, ещё один самолёт и Ушуая - город на самом краю карты, где ветер пахнет солью и соляной. Там я выбросила сим-карту в залив и поднялась по трапу «Полярной лиры».

Работу я нашла заранее. Три месяца назад, ночью, когда он спал, мне попала вакансия: экспедиционному судну нужна помощница в кают-компанию - разносить чай, улыбаться пассажирам, ловить бокалы, когда корабль качает. Четыре недели в Антарктиде. Связи почти нет.

Последние три слова я перечитала раз десять.

Собеседования я проходила по видеосвязи, из машины на

парковке у супермаркета, пока он думал, что я выбираю продукты. Медкомиссию - в обеденный перерыв. Контракт подписала онлайн и сразу удалила письмо. Три месяца я жила двойной жизнью и ни разу не ошиблась. Оказывается, я умела не только быть тихой. Я умела быть осторожной.

Теперь «Лира» шла через пролив Дрейка, и третий день меня мутило от качки. Это было лучшее, что случалось со мной за много лет. Никто не проверял мой телефон. Никто не спрашивал, с кем я говорила и почему так долго. Никто не произносил тем самым спокойным голосом, от которого до сих пор сводило живот: «Аня, я же просто хочу как лучше».

Но по ночам я всё равно просыпалась в половине пятого. Тело помнило.

Вечером перед первой высадкой гид экспедиции, рыжебородый норвежец Ларс, собрал пассажиров в кают-компанию. Я разносила глинтвейн и слушала вполуха: про пингвинов, про ветер, который здесь называют стоковым, про правило никогда не отходить от флажков.

А потом кто-то из пассажиров спросил про стену.

Ларс засмеялся - привычно, будто этот вопрос задавали ему каждый рейс.

- А, интернет. Да, пишут, что за Антарктидой стоит ледяная стена, а за ней - другие земли. Что в пятидесятых в токийском аэропорту задержали человека с паспортом страны, которой нет ни на одной карте. Его заперли в гостиничном номере до выяснения, а утром комнату открыли - пусто. Ок-

но на пятнадцатом этаже. Ни следа.

Пассажиры захохотали. Кто-то крикнул: «Так вот куда пропадают мои носки!» Пожилой англичанин у иллюминатора поднял бокал за «нашего соседа из-за стены».

Я не смеялась.

Я слишком хорошо знала, каково это - девять лет жить за стеной, о которой никто не догадывается. Улыбаться на днях рождения у его мамы. Говорить подругам «всё хорошо», пока друг не осталось вовсе. Стены не всегда бывают из льда. Иногда они из тихих голосов.

- А вы сами в это верите? - спросила девочка лет десяти в красной шапке, сидевшая рядом с мамой.

Ларс перестал улыбаться. Посмотрел в тёмный иллюминатор, за которым плыли льдины.

- Я двадцать лет хожу на юг, малышка. Я верю, что лёд умеет хранить тайны лучше людей.

В ту ночь я впервые за девятнадцать дней не проснулась в половине пятого. Мне снился огонь.

Антарктида оказалась тишиной.

Не такой, как дома, - там тишина всегда была напряжённой, как перед грозой. Здесь она была огромной и чистой. Белый берег, чёрные скалы, пингвины, которые смотрели на нас с вежливым недоумением. Я стояла у палатки с термосами, разливала какао и вдруг поняла, что дышу полной грудью. Впервые за годы.

Туман пришёл за минуту. Только что было видно синее

небо - и вот уже белая стена, в которой тонут флажки. Рация Ларса затрещала: «Всем к лодкам. Немедленно».

Пассажиры потянулись к берегу. Я считала их по головам, как учили, - и на двадцать третьей сбилась. Мама девочки в красной шапке металась у кромки воды и звала: «Соня! Соня!»

Красное пятно мелькнуло далеко за последним флажком.

Я побежала раньше, чем успела подумать. Снег проваливался по колено, туман лез в горло. Соня стояла у ледяного гребня и смотрела на что-то, чего я не видела.

- Там кто-то есть, - сказала она. - Дядя. Он светится.

- Беги на голоса. Прямо. Не оглядываясь, - я развернула её к берегу и подтолкнула.

Она побежала. А лёд у меня под ногами тихо, почти ласково, хрустнул.

Я успела схватиться за край. Подо мной открылась трещина - глубокая, голубая, светящаяся изнутри, как стекло. Пальцы в перчатках скользили. Я висела над пустотой и думала - до смешного спокойно - о том, что он был прав. «Без меня ты не выживешь, Аня».

И вдруг меня затопила злость. Горячая, совсем не моя. Я давно её не чувствовала - и вот она поднялась изнутри, как пламя.

«Нет», - сказала я вслух.

Снег под моими пальцами зашипел и пошёл паром.

Чья-то рука сомкнулась на моём запястье.

Меня вытащили легко, будто я ничего не весила, и поставили на лёд. Я подняла глаза.

Он был без шапки и без экспедиционной куртки - в тёмном длинном плаще, который не спасёт ни от какого холода. Чёрные волосы в снегу. Лицо резкое, словно его вырубili из льда, и глаза - тёмно-янтарные, как угли, которые ещё не погасли. Снег под его сапогами таял.

Он не отпускал мою руку. Смотрел на неё. На кольцо. Золото вдруг стало горячим, почти обжигающим, и я вздрогнула.

Он сказал что-то на языке, которого я никогда не слышала, - низко, словно выругался или помолился. Потом поднял взгляд и произнёс уже понятно, с непривычным, древним выговором:

- Это ты.

- Вы не с корабля, - выдохнула я. - Кто вы?

- Кайрос.

Он ждал. Я поняла, что он ждёт моего имени, и почему-то не смогла соврать.

- Анна.

- Анна, - повторил он медленно, будто пробовал имя на вкус. Будто давал клятву.

Потом он повернул голову к югу, туда, где за туманом кончались все карты, и лицо его стало жёстким.

- Тебе нельзя здесь оставаться, Анна. Тебя почувствовал не только я.

Где-то в белой мгле, там, где Земля упиралась в край света, с протяжным стоном треснул лёд.

Глава 2. Кайрос

Земля пахла железом, солью и дымом, которого здесь не было.

Три дня я шёл по её льду от стены и не встретил ни одного бога. Ни шёпота, ни следа. Только ветер, чужие птицы, похожие на маленьких жрецов в чёрных хитонах, и тишина - такая плотная, что в ней было слышно, как стучит собственная кровь. Жрецы обещали, что огонь лежит во льду, как меч в ножнах. Я искал. Лёд был пуст.

А потом в тумане что-то вспыхнуло.

Так бывает, когда в тёмном зале одним движением зажигают факел. Я почувствовал это кожей, рёбрами, зубами - и побежал раньше, чем понял, куда.

Теперь огонь стоял передо мной. Маленькая женщина в красной экспедиционной куртке, мокрая от снега, с разбитой губой. Из-под шапки выбились пряди - тёмно-рыжие, медные, как угли, которые ещё не остыли. Она тёрла запястье там, где я его держал, и смотрела на меня так, будто я мог её ударить.

Я шагнул ближе - она отшатнулась.

Я знал это движение. Так вздрагивают те, кого били. Или те, кого годами пугали без единого удара. В последний год перед переворотом, когда Астерион уже ходил по дворцу как хозяин, так вздрагивала моя мать - каждый раз, когда в ко-

ридоре звучали его шаги.

Я остановился.

- Пойдём со мной, - сказал я.

Она засмеялась. Коротко и нервно, будто я сказал глупость на похоронах.

- Куда? В туман? С мужчиной, который гуляет по Антарктиде в плаще?

- Здесь опасно.

- Мне везде опасно, - она убрала с лица мокрую прядь. Рука дрожала. - Знаете, три недели назад я сбежала от чело- века, который решал за меня всё. Даже какой хлеб покупать. Так что нет. Я никуда ни с кем не пойду.

В моём мире огонь берут. Мой предок взял его у богов. Астерион взял корону у моего отца. Меня учили, что силь- ный забирает то, что ему нужно, а слабый молится.

Я мог поднять её на руки и унести за стену раньше, чем она успела бы закричать. Мой народ дожил бы до весны.

Я посмотрел на кольцо у неё на пальце. На тонкий золотой ободок, впившийся в кожу так, что палец побелел.

Кто-то её уже взял. И я видел, что от неё после этого оста- лось.

- Хорошо, - сказал я.

Она моргнула. Похоже, этого она не ждала.

- Тогда я пойду за тобой.

- Это называется преследование.

- У нас это называется клятвой.

Где-то в тумане закричали: «Анна! Анна, отзовись!» Мужской голос, хриплый от ветра. Она обернулась на звук, потом снова на меня - быстро, словно проверяла, не исчезну ли я.

- Спасибо, - сказала она тихо. - Что вытащили.

И ушла. Не оглядываясь. Почти.

Я остался у трещины.

На краю, там, где она висела, в снегу остались следы её ладоней - две чёрные проталины, оплавленные, как воск под свечой. Я присел и коснулся одной. Тёплая. Спустила столько минут на таком морозе - всё ещё тёплая.

Тысячу лет мой род медленно гас и искал огонь, чтобы разгореться снова. А он, оказывается, плавает на кораблях и разносит чай.

Туман вокруг стал гуще. И тише. Птицы на берегу разом замолчали.

Я не обернулся сразу. Сначала почувствовал, как холод, ни разу не тронувший меня за три дня, дотронулся до моей кожи. Здесь, на Земле, холод был просто погодой. Этот холод был чьим-то дыханием.

Керы.

Их было трое. Псы Астериона, вылепленные из тумана и льда, - высокие, в холке мне по грудь, с длинными мордами без глаз. Вместо глаз у них светились голубые трещины, как у старого льда перед тем, как он лопнет. Они не оставляли следов. Только иней - там, где касались снега.

Они не смотрели на меня. Они нюхали проталины.

Я раскрыл ладонь и вызвал огонь - тот, что ещё оставался в моей крови. Он поднялся неохотно, слабым рыжим языком. За стеной мы почти разучились гореть. Ближайшая кера дёрнулась, зашипела и рассыпалась снежной крошкой. Две другие подняли головы - и одновременно повернулись к морю.

К огням корабля.

Я мог бы ударить ещё раз. Но пламя на ладони дрогнуло и погасло, и я почувствовал, как подгибаются колени. Одна вспышка - и меня шатает, как мальчишку после первой драки. Вот почему мне нужен был огонь. Вот почему Астерион до сих пор сидит на троне моего отца.

Керы скользнули к воде и исчезли в тумане. Без единого звука.

Я обещал ей не брать её силой.

Но я не обещал не прийти.

Я сбросил плащ на снег и вошёл в чёрную воду. Земное море оказалось солёным и злым, оно сразу схватило за горло. Я поплыл на свет.

Впереди, на «Полярной лире», один за другим гасли иллюминаторы.

Глава 3. Анна

Ларс орал на меня минут десять. По-английски, потом по-норвежски, потом, кажется, на языке, который он придумал специально для таких случаев. Я стояла и кивала. А потом мама Сони обняла меня так крепко, что хрустнула спина, и Ларс махнул рукой и ушёл курить на корму.

Про мужчину в плаще я не сказала никому.

Что я могла сказать? «Меня вытащил из трещины человек без шапки, у которого под ногами тает снег. Он назвался Кайросом и пообещал меня преследовать»? После такого меня бы ссадили в первом же порту. Если бы в Антарктиде были порты.

Вечером я долго не могла уснуть. Лежала в каюте на узкой койке и смотрела на свои ладони. Они горели - не больно, а так, будто я весь день грела их над костром.

«У нас это называется клятвой».

Я перевернулась на другой бок и сказала себе, что он сумасшедший. Красивый сумасшедший, который сбежал с какой-нибудь научной станции. Наверняка у них там бывает такое от изоляции.

В этот момент погас свет.

Не мигнул, как бывает при перебоях, - просто исчез. Сразу стало слышно то, чего я раньше не замечала: двигатели замолчали. «Ли́ра» больше не гудела. Она стояла посреди мо-

ря, тёмная и немая, как пустой дом.

В коридоре захлопали двери, кто-то засмеялся - нервно, громко. Заплясали лучи телефонных фонариков. Я накинула куртку и выглянула.

И увидела, как изо рта вырывается пар.

В каюте только что было двадцать градусов. Теперь холод полз по полу, по стенам, по ногам. На иллюминаторе в конце коридора прямо на глазах распускался иней - не снаружи, изнутри. Узор шёл по стеклу, как трещины по льду.

Я уже знала этот холод. Я узнала его, как узнают знакомые шаги в коридоре.

На палубе было пусто и бело от тумана. У трапа стоял вахтенный матрос, филиппинец Нико, который утром учил меня завязывать морской узел. Он не двигался. Он был весь покрыт инеем - ресницы, брови, воротник куртки. Глаза открыты. Грудь поднималась - медленно, едва заметно. Живой.

А за ним, в тумане, что-то повернуло ко мне голову.

Оно было похоже на собаку, если бы собаку слепили из тумана и битого стекла. Высокое, длинное. Морда без глаз - только голубые трещины, светящиеся изнутри. Оно не дышало. Оно принюхивалось.

Ко мне.

Я попятилась и упёрлась спиной в леер. Позади была только чёрная вода. Справа, бесшумно, как дым, из тумана вышло второе такое же.

Что-то тяжело ударилось о борт у меня за спиной. Леер

дрогнул.

Я обернулась - и увидела руку. Мужскую, мокрую, вцепившуюся в металл. Потом вторую. Потом он подтянулся одним движением, перемахнул через ограждение и встал на палубу между мной и туманом.

С него лило. Вода стекала с волос, с плеч, стучала каплями по палубе. И от его кожи шёл пар - густой, белый, как от горячего камня, на который плеснули водой. Он стоял в этом пару, будто только что вышел из бани, а не из антарктического моря.

Тонкая тёмная рубашка облепила его и успела схватиться ледяной коркой. Он раздражённо дёрнул ворот, ткань затрещала, и он сорвал её с себя одним рывком, как сдирают старую кожу. Отшвырнул на палубу. Ледяные крошки звякнули о металл.

Я забыла, что надо бояться.

Он был высоким - я едва доставала ему до плеча. Широкие плечи, длинная сильная спина, по которой медленно сползали капли и тут же превращались в пар. В аварийном свете палубных ламп его кожа казалась золотистой, будто под ней горел тот самый огонь, о котором он говорил. Это было не тело из спортзала, не нарисованные кубики. Так выглядят мужчины, которые всю жизнь таскали тяжёлое: мечи, доспехи, раненых. Мышцы на руках перекачивались при каждом движении. Живот твёрдый, плоский, с тёмной дорожкой волос, уходящей под пояс мокрых штанов.

И шрамы. Белая полоса через рёбра слева, у самого сердца, - старая, от клинка. А справа, под рёбрами, - странный знак: три тёмных изогнутых следа, будто когти огромной птицы. Не рана. Скорее клеймо. Или родимое пятно.

Он поймал мой взгляд. Ничего не сказал. Только повернулся к керам - так, чтобы я оказалась у него за спиной.

- Не смотри им в морду, - бросил он через плечо. - И не отходи от меня.

Первая тварь прыгнула.

Он встретил её голыми руками. На ладони вспыхнул огонь - слабый, рыжий, как пламя спички на ветру, - и кера взвыла без звука, рассыпаясь снежной крошкой. Но вторая уже налетела сбоку. Удар швырнул его на палубу. Он перекатился, встал на колено, вскинул руку - и огонь не зажёгся. Только дымок.

Я видела, как дрогнула его рука. Видела, как он стиснул зубы. Он устал. Он плыл сюда в ледяной воде, и у него не осталось сил.

Кера пошла на него медленно, не торопясь, будто знала, что торопиться некуда.

И во мне опять поднялась эта злость. Та самая, из трещины. Горячая, тёмная, вся сразу. На тварь. На холод. На всё, что я так долго терпела молча.

Я шагнула вперёд и схватила его за руку.

Его ладонь была горячеей. Моя - горячее.

Между нашими пальцами вспыхнуло. Не рыжим - белым,

ослепительным, как сварка. Огонь рванулся по его руке до плеча, по его груди, по этому странному знаку под рёбрами - знак засветился, как раскалённое железо. Кайрос выдохнул сквозь зубы, вскинул нашу сцепленную руку, и пламя ударило в керу.

Она не рассыпалась. Она просто перестала быть.

На «Полярной лире» вспыхнули все огни разом. Загудели двигатели. Нико у трапа моргнул, закашлялся и сел прямо на палубу, ощупывая лицо.

Кайрос стоял, тяжело дыша, и смотрел на наши руки. Он так и не отпустил мою. А я не отпустила его.

- Теперь ты знаешь, - сказал он тихо.

На палубу выбегали люди. Ларс с ракетницей. Капитан в наброшенном на пижаму кителе. Пассажиры с фонариками. Все смотрели на полуголого мокрого мужчину, от которого валил пар, и на меня рядом с ним.

- Кто это? - рявкнул капитан. - Откуда он на борту?

Я могла сказать: не знаю. Я могла отойти. Я слишком долго отходила в сторону.

- Он со мной, - сказала я.

И не сразу поверила, что это мой голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.